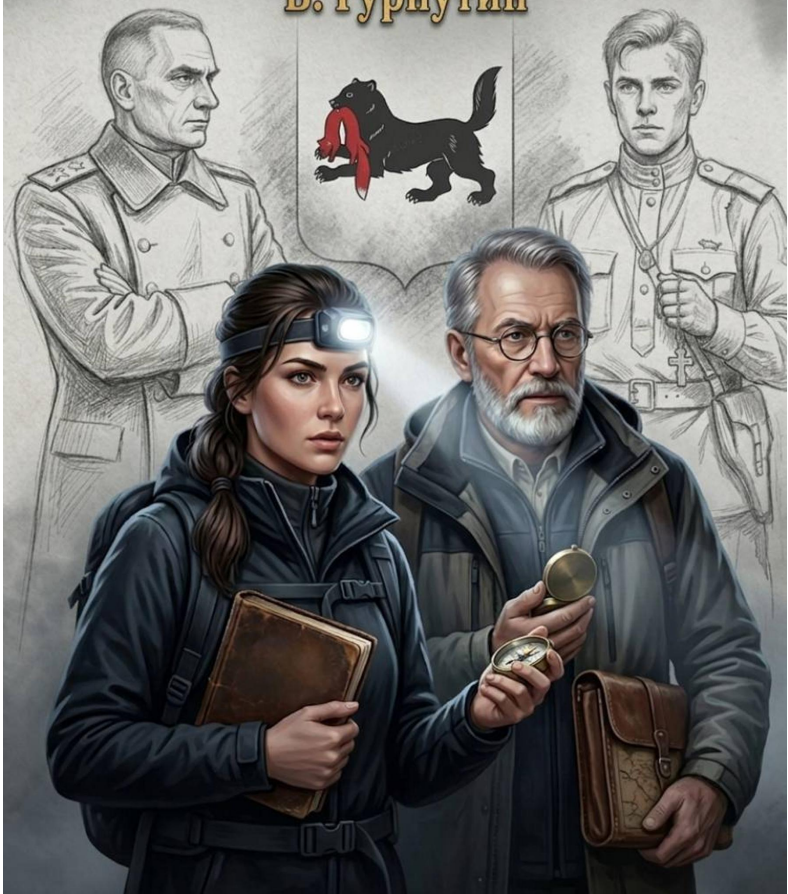

42-й груз. Колчак

В. Гурнутин

Гурнутин Владимир

42-й Груз «КОЛЧАК»

<https://litres.ru/74064458>

SelfPub; 2026

Аннотация

42-й груз. «Колчак»

1919 год. Поручик Смолин получает секретный приказ: скрытно вывезти «Груз 42» — пять уральских изумрудов, золотую ризу Иверской иконы и платиновые самородки — и спрятать в заброшенном остроге у Китайских гольцов. Выполнив миссию, офицер исчезает, унося тайну в могилу.

Наши дни. При сносе старого дома в Иркутске реставратор Елизавета Ковальчук находит саквояж с зашифрованным дневником Смолина. Вместе с профессором Ветровым она начинает распутывать столетнюю загадку. Но за ними уже охотится бывший майор ФСБ Шамаев, чей дед когда-то допрашивал поручика и сохранил фрагмент карты.

Гонка за сокровищем Колчака начинается. На кону — не только бесценные камни, но и правда, которую сто лет скрывали архивы, тайга и кровь Гражданской войны.

Содержание

Глава	4
ДОСЬЕ «42-Й ГРУЗ. КОЛЧАК»	5
ПРОЛОГ. КАЗАНСКИЙ ПОГРОМ	15
АКТ I . Иркутский след	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Гурнутин Владимир
42-й Груз «КОЛЧАК»

Глава

ДОСЬЕ «42-Й ГРУЗ. КОЛЧАК»

(Хранится в Особом архиве Иркутского краеведческого музея, доступ — только по спецпропуску)

1. Историческая справка: Золотой запас в Сибири

Золотой запас Российской империи — государственный резерв в виде золотых слитков и монет, а также драгоценных камней и изделий, хранившийся в Государственном банке. К началу Первой мировой войны он составлял более 1300 тонн золота. В 1915 году, ввиду угрозы немецкого наступления, запас был эвакуирован из Петрограда в Казань.

После захвата Казани войсками Кому́ча и Чехословацкого корпуса 7 августа 1918 года, золотой запас перешел под контроль Временного Всероссийского правительства (Директории), а затем — адмирала А.В. Колчака, провозглашенного Верховным правителем России. Основная часть запаса была перевезена в Омск, став финансовой базой Белого движения в Сибири.

В условиях отступления в конце 1919 года началась эвакуация золотого запаса на восток по Транссибирской магистрали. В январе 1920 года адмирал Колчак был арестован в Иркутске, а золотой запас перешел под контроль большевиков. Однако часть ценностей исчезла при невыясненных обстоятельствах. Судьба их до сих пор является предметом исторических споров, журналистских расследований и кла-

доисследовательских экспедиций.

2. Дело № 1: Казанская эвакуация

Архивный шифр: ГАРФ. Ф. Р-9427. Оп. 1. Д. 12. Дата события: Ночь с 6 на 7 августа 1918 года. Участники: Части Народной армии Комуча (полковник В.О. Каппель), 1-й Чехословацкий полк, отряд поручика Н.А. Смолина. Обстоятельства: В хаосе штурма города большевики спешно готовили эвакуацию банковских ценностей. Группа офицеров Генштаба Белой армии получила приказ: не допустить вывоза золота из Казани и захватить Государственный банк. Из рапорта поручика Смолина (копия):

«...При вскрытии главного хранилища обнаружено: 40 402 пуда золота в слитках и монете, а также отдельное бронированное помещение № 3, где хранились ценности, не внесенные в общую опись. Командир отряда капитан Степанов приказал опечатать помещение № 3 и выставить отдельный караул. Мне было поручено составить опись содержимого. Среди предметов: пять уральских изумрудов высокой чистоты, платиновые самородки, золотая риза с иконы Божией Матери Иверской, бриллиантовые украшения, конфискованные ВЧК у буржуазии... Всего на сумму, эквивалентную 250 пудам золота. Грузу присвоен гриф „42“.»

3. Дело № 2: Сибирский путь эшелонов

Период: Ноябрь 1919 — Январь 1920. Маршрут: Омск —

Новониколаевск — Тайга — Красноярск — Иркутск. Условия: Морозы до -45°C , забитые составами пути, нехватка топлива, атаки партизанских отрядов. Из телеграммы начальника движения (декабрь 1919):

«На станции Тайга скопилось 28 эшелонов. Паровозы замерзают. Топлива нет. Охрана деморализована. Прошу срочно выслать воинскую команду для предотвращения грабежей».

Из дневника поручика Смолина (20 декабря 1919):

«Эшелон с золотом брошен. Верховный правитель уехал под флагами союзников. Каппель собирает ударный кулак для прорыва к Иркутску. Мне приказано выделить 4 бойцов и забрать „груз 42“. Мы должны идти санным путем, в обход пробок, к старому Якутскому тракту. Там нас встретят люди Пепеляева».

4. Дело № 3: Чехословацкий транзит и Кругобайкальская дорога

Суть вопроса: Чехословацкий корпус контролировал Транссибирскую магистраль. Пропуская эшелоны с золотом, чехи требовали платы «за проезд и охрану». Историки спорят о том, сколько именно ценностей было передано легионерам. Из протокола допроса министра финансов Бурьшкина (ЧК, 1920):

«Да, было передано 13 ящиков. Но это не золото в слитках. Там были драгоценные камни и изделия, которые удоб-

нее для расчетов. Адмирал лично подписал акт передачи. Я не знаю, были ли это вещи из помещения № 3 Казанского банка. Документы по „грузу 42“ вел отдельно генерал Пепеляев».

Кругобайкальская легенда: Якобы на станции Маритуэй чешский эшелон потерпел крушение, и вагон с ценностями ушел под лед Байкала. Глубины в районе Маритуя — 15–25 метров. В 1920-е годы водолазные работы не нашли никаких следов вагонов. Вывод: легенда была запущена чехами для сокрытия хищений.

5. Дело № 4: Акт приема золота в Иркутске и недостача

Дата: 5 марта 1920 года. Комиссия: Представители Иркутского ВРК, Сибревкома, эксперты Госбанка. Из акта (копия):

«Принято по описи 5143 ящика. Вес золота в слитках... не соответствует заявленному. Недостача по весу — 242 пуда. Кроме того, отсутствуют предметы, перечисленные в отдельной тетради (приложение № 3). Местонахождение сих предметов неизвестно. Со слов свидетелей, часть ценностей была передана чехословацкому командованию, часть — изъята атаманом Семеновым, часть — сокрыта по пути следования».

Примечание историка: «Приложение № 3» — это и есть та самая тетрадь, которую видел Смолин в Казани. В советских архивах она не найдена. Вероятно, уничтожена или до сих пор скрыта.

6. Дело № 5 (Секретно): Доклад генерала Пепеляева «О грузе 42»

Архивный шифр: РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 88. (Гриф «Сов. секретно» снят в 1992 г.) Автор: Генерал-майор А.Н. Пепеляев (расстрелян в 1920 г. в Иркутске). Дата: 27 декабря 1919 г., ст. Зима. Текст доклада (фрагмент):

«Во исполнение личного приказа Верховного правителя, группа поручика Смолина (5 человек) 23 декабря с.г. выделена из состава конвоя для выполнения особого задания. „Груз 42“ — пять изумрудов, золотая риза Иверской иконы, платина — упакован в стальной ящик и погружен на сани. Задача группы: скрытно выдвинуться по Якутскому тракту до урочища Китойские гольцы, где, согласно донесениям разведки, имеется заброшенный острог XVII века, удобный для схрона. Место надлежит замаскировать, вход запечатать взрывом. Командиру группы оставляю право на крайние меры для сохранения тайны. О выполнении донести условной телеграммой „Китой спит“. Координаты места: 52°17'00" с.ш...»

(Далее часть текста нечитаема из-за пятен крови. Генерал Пепеляев писал доклад будучи уже под арестом, скрывая документ в подкладке шинели).

7. Дело № 6: Личное дело поручика Николая Александровича Смолина

Послужной список:

· Родился в 1896 г. в Ижевске. · Окончил Казанское военное училище (1916). · Служил в Ижевском стрелковом полку. · В 1918 г. примкнул к Народной армии Комуча. · Участвовал во взятии Казани (август 1918). · Назначен в личный конвой Верховного правителя (1919). · Командир группы «Груз 42» (декабрь 1919). · Арестован ЧК в Иркутске 15 февраля 1920 г., этапирован в Омск.

Протокол допроса Смолина Н.А. (Омская ЧК, 5 марта 1920 г.):

Вопрос: Где вы спрятали ценности, вверенные вам адмиралом? Ответ: Я не знаю, о чем вы говорите. Я сопровождал груз шинелей и сапог. В тайге мы попали в засаду, весь обоз разграблен партизанами. Я был ранен и ничего не помню. Вопрос: У вас найдена карта с пометками. Ответ: Это карта охотничьих угодий моего деда. Ставьте к стенке. Я все сказал.

Справка о приведении приговора в исполнение: Расстрелян 12 марта 1920 г. в Омске. Могила неизвестна.

8. Дело № 7: Дневник поручика Смолина (расшифровка) (Дневник найден в 2024 г. в Иркутске при сносе аварийного дома на ул. Бабушкина. Текст зашифрован. Шифр — «польская азбука» с ключом «Ижевск». Расшифровка выполнена реставратором Е.А. Ковальчук).

Избранные записи:

· 22 декабря 1919: «Простились с адмиралом. Он благословил нас иконой. Сказал: „Это не просто камни, это будущее России. Вернусь — заберу“. Чехи предали, это ясно. Мы уходим на север, на Китой». · 23 декабря: «Мороз адский. Сани глубоко уходят в снег. Бойцы волнуются. Пришлось применить оружие к рядовому Сивому — пытался дезертировать. Не могу их винить. Золото не согреет». · 24 декабря: «Пришли в острог. Это не острог, а пещера, обшитая лиственничным срубом. Внизу три яруса. Мы заложили ящик в самом глубоком. Установили растяжки — от партизан, от красных, от любого. Я начертил карту, но разорвал на части. Половину спрятал в тайнике». · 25 декабря: «Уходим. Вход взорван. Оставили „условный знак“ — крест на кедре, под ним — скелет в моей шинели. Если кто и придет, решат, что клад уже нашли, а это я погиб». · 7 января 1920: «Ранение в плечо загноилось. Гангрена. Я иду в Иркутск сдаваться ЧК. У меня с собой чистая карта и легенда про шинели. Если поверят — выживу. Хотя вряд ли». · Последняя запись (без даты): «Тот, кто расшифрует этот дневник — ищи крест. Не тот, что у скелета, а мой, нательный. В нем — правда. Только в полдень зимнего солнцестояния тень покажет путь. Прощайте. Н.С.»

9. Дело № 8: Карта-схема Китойского урочища и острога (Реконструкция по данным дневника и географических карт Генштаба 1912 г.)

Китойские гольцы — горный массив в Восточном Саяне, в районе реки Китой. Труднодоступная таежная местность. Острог — заброшенное зимовье XVII века, известное как «Илимский форпост». По преданиям, построено ссыльными поляками после восстания 1863 года. Представляет собой систему пещер, расширенных и укрепленных деревом.

Схема подземелий (по описанию Смолина):

1. Вход (взорван) — замаскирован под скальный выступ.
2. Вентиляционный лаз (узкий, для одного человека).
3. Первый ярус: «Прихожая» — безопасная зона.
4. Второй ярус: «Коридор» — ловушки (растяжки, мины).
5. Третий ярус: «Казначейство» — сундук-обманка со свинцом.
6. Дно: подводный сифон, ведущий в озеро под скалой «Шаман-Камень». Там настоящий тайник.

10. Дело № 9: Современные фигуранты

Досье № 1: Елизавета Андреевна Ковальчук

· Дата рождения: 1995 г. · Образование: исторический факультет ИГУ, кафедра археологии и этнографии. · Специализация: реставрация документов и артефактов из кожи и металла. Работает в Иркутском областном краеведческом музее. · Особые навыки: спортивное скалолазание (КМС), спелеология, чтение старопольской письменности и знание тюремных шифров XIX века (унаследовала от прадеда, ссыльного повстанца 1863 года). Не замужем. Живет в старом доме в предместье Марата. · Характер: настойчива, склонна к

риску, недоверчива к официальным структурам. Верит в историческую справедливость, а не в абстрактную законность.

Досье № 2: Глеб Игоревич Ветров

· Дата рождения: 1962 г. · Образование: доктор исторических наук, профессор ИГУ. · Специализация: фортификация Сибири XVII-XIX веков. Знает расположение и конструкцию всех острогов от Урала до Якутии. · Особые навыки: работа с архивными картами, ориентирование на местности. В молодости участвовал в геологических экспедициях. Разведен, взрослый сын живет в Москве. · Характер: скептик, осторожен, но азартен в научном поиске. Считает кладоискательство вульгарным, но идею найти «Груз 42» как исторический артефакт воспринимает всерьез.

Досье № 3: Виктор Петрович Шамаев

· Дата рождения: 1972 г. · Образование: высшая школа КГБ (выпуск 1993 г.), майор ФСБ в отставке (уволен в 2010 г. «по компрометирующим обстоятельствам», подозревался в контрабанде антиквариата). · Род занятий: владелец частного охранного предприятия в Иркутске, теневой антикварный бизнес. · Особые навыки: наружное наблюдение, силовые задержания, широкие связи в криминальной среде и среди бывших силовиков. Личная мотивация: его дед служил в Омской ЧК и допрашивал Смолина. В семейном архиве Шамаева хранится фрагмент карты с пометкой «Китой». Шамаев одержим идеей найти клад, чтобы восстановить «честь семьи» и сказочно обогатиться. · Характер: жесток, методи-

чен, не считается с законом. Экипирован по последнему слову техники.

ПРОЛОГ. КАЗАНСКИЙ ПОГРОМ

Август 1918 года. Город Казань. Ночь с 6 на 7 число.

1

Пахло гарью и речным туманом. Поручик Смолин прижился спиной к холодной стене Проломной улицы и считал выстрелы. Где-то справа, у Кремля, бухал пулемет — судя по звуку, «максим», и бил он длинными, злыми очередями. Слева отвечали винтовочные залпы — часто, захлебываясь, явно наступающие цепи белых.

Николай вытер мокрый лоб рукавом гимнастерки. Августовская ночь была душной, липкой, как вата. Или это кровь? Он провел пальцами по виску — нет, пот. Пока везло.

— Господин поручик, — раздался сзади хриплый шепот. — Чехи пошли в атаку. Кремль почти наш.

Смолин обернулся. Рядовой Сивой, пожилой мужик с ижевского завода, присел рядом на корточки. В руках — карабин, на поясе — две трофейные гранаты. Глаза у Сивого были красные от недосыпа, но держался он браво. Третьи сутки боя, а мужик — как кремень.

— Вижу, — коротко ответил Смолин. — Каппель свое дело знает. Как там наши?

— Ждут. Второй взвод у банка, третий оцепил Гостиный двор. Федорчук с ребятами на крыше гимназии — наблюдают за вокзалом. Говорят, большевики пакгаузы подожгли.

Эвакуация у них.

— Знаю. — Смолин резко выпрямился и поправил портупею. — Идем. У нас свой приказ.

Он вытащил из планшета сложенный лист бумаги — предписание за подписью самого полковника Каппеля. Скупые строчки: «Поручику Смолину Н.А. — немедленно выдвинуться к зданию Государственного банка. Взять под контроль главное хранилище. Особое внимание — бронированное помещение № 3. Не допустить разграбления. Ответственность — личная, вплоть до расстрела на месте».

— Что там, в этом помещении-то? — спросил Сивой, заглядывая через плечо. — Золото?

— Золото — в другом месте, — Смолин спрятал предписание и двинулся вдоль стены. — А там — то, что дороже.

— Дороже золота не бывает, — резонно заметил Сивой, тяжело дыша сзади. — Золото — оно всему голова.

— Ты, Сивой, заводской человек, а рассуждаешь как ростовщик. Бывает, говорю. Молчи и следуй за мной.

Они свернули в темный проулок. Где-то рядом грохнул взрыв — туда, к банку, уже подтягивались передовые части. Смолин перекрестился и побежал. Сапоги застучали по булыжнику.

2

Государственный банк на Большой Проломной горел. Вернее, не сам банк — догорали баррикады перед входом: мешки с песком, перевернутый автомобиль «Руссо-Балт»,

какие-то ящики. Едкий дым застилал фасад, и в этом дыму мелькали тени. Красные отходили, но еще огрызались.

Смолин с ходу влетел под арку входа. Рядом тут же брызнули кирпичной крошкой выстрелы — двое латышских стрелков засели за колоннами, прикрывая отход товарищей. Сивой вскинул карабин и дважды выстрелил, почти не целясь. Один латыш упал, второй швырнул гранату.

— Ложись! — заорал Смолин.

Их спасла мраморная лестница. Граната рванула на ступенях, разметав щепки паркета и осколки, но ударная волна ушла вверх. Смолин вскочил первым, перемахнул через перила и в два прыжка оказался за спиной второго латыша. Удар рукоятью нагана по затылку — и стрелок обмяк. Сзади уже подоспели Федорчук и остальные ижевцы.

— Чисто! — крикнул кто-то. — Уходят красные, уходят!

Смолин вытер наган о гимнастерку убитого и быстро осмотрелся. Вестибюль банка был разгромлен: бумаги, гильзы, перевернутая мебель. Но двери в операционный зал были целы — массивные, дубовые, обитые железом. Он сразу пошел туда.

— Сивой, за мной. Остальным — занять оборону. Никого не впускать без моего приказа.

— Слушаюсь.

Замок на дверях был сорван. Смолин толкнул створку и вошел внутрь.

Операционный зал освещался только керосиновой лам-

пой, которую кто-то оставил на длинном столе красного дерева. Вдоль стен темнели ряды деревянных конторок. В углу — массивная дверь с табличкой «Хранилище № 3». Смолин направился прямо к ней.

Дверь была приоткрыта. Изнутри падал тусклый свет и слышались голоса — двое, нет, трое. Чужие. Смолин сделал знак Сивому. Тот понял, вскинул карабин и зашел с другой стороны двери. Смолин толкнул створку ногой и вошел.

— Стоять! Всем руки вверх!

В помещении, заставленном несгораемыми шкафами и стальными ящиками, суетились трое в кожаных куртках. Не военные — штатские. Один, толстый, с растрепанной бородой, как раз запихивал в саквояж какие-то бумаги. Второй, длинный и сутулый, копался в открытом сейфе. Третий, самый опасный на вид — с маузером в руке — резко обернулся на голос.

— Чекисты? — спросил Смолин, хотя ответ уже знал.

— Кому надо, тот и есть, — огрызнулся человек с маузером. — А ты кто такой? Тут золото государственное, не трожь...

— Золото больше не ваше государственное, — спокойно сказал Смолин, не опуская нагана. — Казань взята белыми. Вы арестованы. Оружие на стол.

Чекист с маузером дернулся — и тут же грохнул выстрел. Это Сивой, стоявший в дверях, выстрелил ему точно в плечо. Маузер выпал из руки, чекист взвыл и повалился на колени.

Двое других сразу бросили свои саквояжи и подняли руки.

— Обыскать, — приказал Смолин Сивому. — И вызвать капитана Степанова. Пусть сам осмотрит помещение.

Он подошел к открытому сейфу и заглянул внутрь. Там, на бархатных подушечках, лежали они: пять камней глубокого травяного цвета, каждый величиной с крупный грецкий орех. Изумруды чистой воды, ограненные старым уральским мастером. Смолин не был ювелиром, но даже он замер, увидев, как они мерцают в тусклом свете лампы, словно живые.

Рядом лежал еще один сверток — тяжелая ткань, расшитая золотыми нитями и усыпанная мелкими бриллиантами. Риза с иконы Иверской Божией Матери. Та самая, которую вывезли из Москвы еще в четырнадцатом году, спасая от германца.

— Господин поручик... — раздался сзади голос Федорчука. — Тут капитан Степанов.

Смолин обернулся. Капитан Степанов, высокий, сухой, с усталым лицом и аккуратной бородкой, уже входил в помещение. Он быстро оценил обстановку, кивнул Смолину и подошел к сейфу.

— Это то самое? — спросил он тихо.

— Так точно. Помещение номер три. Изумруды, риза Иверской, еще платина в соседнем шкафу. Все согласно описи, которую мы нашли в сейфе управляющего.

— Опись?

— Да, вот. — Смолин взял у толстого чекиста саквояж и вытащил оттуда толстую тетрадь в коленкоровом переплете. — Тут все, что не входит в общий золотой запас. Что вывозили из Петрограда в пятнадцатом году тайно. Документы, драгоценности...

Степанов перелистал тетрадь, нахмурился и снова закрыл.

— Об этом никто не должен знать, поручик. Кроме нас и командования. Вы понимаете?

— Так точно, господин капитан.

— Тогда слушайте приказ. — Степанов понизил голос. — Этот «груз номер сорок два» — он будет идти отдельно от основного золотого запаса. С ним поедете вы и ваши люди. Ответственность — личная. Я доложу генералу Пепеляеву, он решит, как и куда это переправлять дальше. А пока — опечатать все и выставить караул.

— Есть.

Степанов вышел. Смолин остался в полутемном помещении, глядя на изумруды. Он почему-то вспомнил бабушкину сказку про Каменный Цветок, про Хозяйку Медной горы. В детстве он думал, что это просто красивые выдумки. А теперь вот смотрел на живые камни, в которых, казалось, таилась душа Урала, и понимал: ничего не выдумки.

— Сивой, — позвал он.

— Я.

— Выставить караул у дверей. Никого не впускать. Через час смена.

— А с этими что? — Сивой кивнул на раненого чекиста и его товарищей.

— Сдать комендантской роте. И вот что... — Смолин взял тетрадь-опись и спрятал в свой планшет. — Об этой тетради никому ни слова. Приказ капитана. Понял?

— Так точно.

Сивой вышел. Смолин еще раз оглядел сейф, потом взял один изумруд, подержал в руке. Камень был тяжелый, холодный, но от него шло странное тепло — словно он хранил в себе свет уральских недр. Поручик осторожно положил его обратно на бархатную подушечку и закрыл дверцу сейфа.

Уже выходя из хранилища, он почему-то оглянулся на тетрадь в своем планшете и вполголоса сказал сам себе:

— Ну, господин поручик, в историю вы вляпались. Дай Бог выбраться.

За окнами занимался серый, дымный рассвет над Казанью. Где-то далеко еще бухали пушки — это красные отходили за Казанку. Город пал. Начиналась новая глава гражданской войны. И никто еще не знал, что однажды это золото и эти камни исчезнут в сибирских снегах, чтобы через сто с лишним лет стать началом самого опасного приключения в жизни одной Иркутской девушки.

АКТ I . Иркутский след

Наши дни. Иркутск. Июнь 2024 года.

Глава 1. Саквояж с двойным дном

Запах был сложный, многослойный, как хорошее вино: старая кожа, пыль десятилетий, плесень, махорка и что-то еще — сладковато-гнилостный аромат времени, который ни с чем не спутаешь. Елизавета Ковальчук любила этот запах. За десять лет работы реставратором в Иркутском областном краеведческом музее она научилась различать эпохи по запаху. Девятнадцатый век пах воском и канифолью. Начало двадцатого — кожей, табаком и карболкой. А вот это, — она еще раз вдохнула над саквояжем, который привезли утром, — это была смесь Гражданской войны.

Саквояж был найден при сносе аварийного дома на улице Бабушкина — старого двухэтажного особняка, который еще помнил купцов Второвых. Бульдозер обрушил перекрытия, и в одном из простенков, в кирпичной нише, обнаружилась эта находка. Прораб, мужик сметливый, сразу позвонил в музей.

— Ну что, Лиза Андреевна, что скажете? — спросил курьер, переминаясь с ноги на ногу. — Ценная вещь?

— Пока не знаю, — Елизавета поправила налобную лупу и осторожно провела пальцем по крышке саквояжа. Кожа

была дубленой, темно-коричневой, почти черной. По бокам — потертые латунные застёжки. На крышке — едва заметные следы тиснения: двуглавый орёл. — Но вещь явно дореволюционная. Оставьте, я оформлю акт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.